

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

О настоящих анархистах. Заметки философа

<Фрагменты>

Вопрос об отношении мировоззрения анархизма в собственном смысле, т. е. анархизма позитивного или «позитивно-утопического», как выражается г. Чулков, типа к научному социализму гораздо интереснее и бесконечно шире, чем тот, который я ставил перед собою в предыдущей заметке («Образование». Август. «Неприемлющие мира»). Я и не предполагаю подробно рассматривать его сейчас, — мне хочется наметить только некоторые коренные расхождения между этими двумя передовыми социально-философскими системами, указать на некоторые особенности анархизма, делающие его абсолютно неприемлемым для последовательного социалиста, проводящие между обоими мирозерцаниями глубокую грань.

Интерес к анархизму в русской публике в настоящее время несомненен. На мой взгляд, это объясняется преимущественно, или исключительно, двумя причинами. Во-первых, великое средство политического освобождения, выдвигаемое соц.-демократией, еще не назрело в достаточно широких массах, другие же средства борьбы в большей или меньшей степени исчерпаны. Народ все еще не может разорвать свои цепи, но не может и успокоиться в них хотя бы на время; происходит судорожная, разрозненная борьба; протест выражается в ряде смелых, но неорганизованных действий. <...> Вторая — более постоянная причина — несомненная и органическая склонность интеллигентного пролетария к революционному индивидуализму, получающая гораздо более удовлетворения в теории и практике анархизма. Значительный процент интеллигентных пролетариев в русском освободитель-

ном движении обеспечивает, как мне кажется, за анархизмом известную роль.

Что касается толков о том, что анархизм есть искони славянская идея, а научный социализм — этот продукт германского гения — лишь временно привился в России через посредство евреев, то такие гипотезы я считаю совершенно фантастическими. Дело не в национальностях, а в уровне экономического развития страны и классового состава армии революции.

Леонид Андреев чутко отразил этот интерес к анархизму в своей последней драме «Савва»¹. Говорят, наш интересный художник сам не чужд некоторой симпатии к последовательному теоретическому анархизму. Может быть, это и так. Но «Савва» невольно или против воли автора сделался, на мой взгляд, довольно глубоким памфлетом *против* анархизма.

Герой драмы — неустрашимо последовательный анархист — терпит поражение. Причины поражения указаны автором довольно отчетливо. Тактика Саввы — это явствует из всего хода драмы — с несомненностью приводит неизбежно к поражению. Вопрос о том, констатирует ли это Андреев с болью душевной, так как никакого другого исхода не видит и остается после крушения саввиных методов отчаявшейся жертвою косности и дикости масс, или же он просто отмечает радикализм Саввы, готовясь поискать другие не столь краткие и простые пути, в конце концов все же ведущие к цели, — этот вопрос имеет сейчас для нас самое второстепенное значение.

Оговоримся также, что далеко не все анархисты — даже революционные анархисты — так непримиримо радикальны, как Савва. В Савве многое художественно преувеличено, и его ожесточенный нигилизм принимает у большинства анархистов несравненно более мягкие формы*.

Это, однако, право художника — доводить до конца то, что в действительности останавливается в некоторой нерешительности, давать каждой линии ее естественный полет, не считаясь с тем, что в действительности она поломана или пригнута посторонними ей влияниями. Савва правильно выражает самую душу анархизма, свойственный анархистам весьма категорический метод «неприятия мира», — конечно, мира социального.

* Еще более преувеличены анархистские разрушительные черты Пшибышевским в его романе «Дети Сатаны».

Савве легко дойти до нигилизма, устраняющего самого человека, и если он устраняет только всю культуру, оставляя голого человека на голой земле, то это потому, что в нем еще брезжит вера в человека, которую потерял Гордон, герой Пшибышевского.

Дурны все дела человеческие, все, что человек создал вокруг себя. Долой все это, поставить его перед «*tabula rasa*», во второй раз он выстроить свою культуру лучше. Вот характерный высказывания на этот счет самого Саввы:

«Я исходил много городов и земель, и нигде я не видел свободного человека. Я видел только рабов. Я видел клетки, в которых они живут, постели, на которых они рождаются и умирают; я видел их вражду и любовь, грех и добродетель. И забавы их я видел: жалкие попытки воскресить умершее веселье. И на всем, что я видел, лежит печать глупости и безумия. Родившийся умным — глупеет среди них; родившийся веселым — вешается от тоски и высовывает им язык. Среди цветов прекрасной земли, — ты еще не знаешь, как она прекрасна! — они устроили сумасшедший дом».

«Увидел церкви — и каторгу. Увидел университеты — и дома терпимости. Увидел фабрики — и картинные галереи. Увидел дворец — и нору в навозе. Подсчитал так, понимаешь, сколько на одну галерею острогов приходится, и решил: надо уничтожить все. И мы это сделаем. Да, пора нам посчитаться, пора! И дрянь тогда пропадет. Глупые пропадут, для которых эта жизнь, как скорлупа для рака. Пропадут те, кто верить, — у них отнимется вера. Пропадут те, кто любит старое, — у них все отнимется. Пропадут слабые, больные, любящие покой: покоя, дядя, но будет на земле! Останутся только свободные и смелые, с молодой и жадной душой, с ясными глазами, которые обнимают мир». «Будут люди лучше, свободнее, веселее. И, свободные от всего, голые, вооруженные только разумом своим, они сговорятся и устроят новую жизнь, хорошую жизнь, Кондратий, где можно будет дышать человеку».

И в другом месте: «Человеку мешает целая гора глупости, накопившаяся за тысячи лет. Теперешние умники хотят строить на этой горе — но, конечно, ничего, кроме продолжения горы, не выходит. Нужно срыть ее до основания — до голой земли, понимаете?»

Это непреклонный, решительный анархизм, правильно выражающий самую тенденцию, более или менее смягченную ком-

промиссами у разных анархистских сект, которые мы наблюдаем в действительности.

Родился анархизм в бурях Великой революции одновременно с коммунизмом. Впрочем, идеи этого рода бродили и раньше по свету, иногда находя даже широкое распространение. Но особенно ясную, хотя во многом еще несовершенную, формулировку оба мировоззрения нашли в бабувизме.

В 1796 году высокодаровитый Сильвэн Марешаль, убежденный бабувист и член «Тайной Директории Общественного Спасения», предложил на утверждение своим товарищам яркий «Манифест равных». Я думаю, что всякий анархист без труда подписал бы и теперь этот манифест. Между тем как бабувизм коммунистический представляется только гениальным ребенком рядом с зрелостью современного научного социализма. В манифесте этом мы находим два интересных места. Первое гласит (ст. 45): «Мы нуждаемся не только в том равенстве, которое выражено в декларации прав человека и гражданина, мы хотим также равенства в нашей жизни, под крышей наших домов. Ради него мы идем на все, мы готовы ради него все превратить в “*tabula rasa*”, чтобы только удержать его. Ради него мы могли бы, если бы это было нужно, уничтожить все искусства, лишь бы нам осталось фактическое равенство!»

Другое говорит (стр. 46): «Пусть исчезнут, наконец, эти возмутительные различия между богатыми и бедными, между господами и слугами, между правящими и управляемыми».

Бабёф и его друзья отвергли манифест Сильвэна Марешаля как раз именно из-за этих мест. Бабёф находил неразумным, невозможным провозглашать готовность «оставить голого человека на голой земле», — ему, несмотря на его пламенную революционную душу, чужд был этот отвлеченный полет всесокрушающей отрицательной логики. — Что лучше? — спросил себя, быть может, великий Гракх, читая и перечитывая это страшное место первоучителя Андреевского Саввы. — Что лучше? Гибель всей культуры и купленное ценою общего ее понижения равенство, или равенство неполное, частичное, *egalitee en marche* с сохранением результата трудов прежних поколений?

Вопрос этот мог стоять перед Бабёфом. Для марксиста он разрешается сам по себе, ибо для него «все искусство (тут разумеется также и техника) является необходимым и единственным базисом самого равенства». <...>

Вопрос о государстве или центральной администрации, как и вопрос о ценности культурных приобретений прошлого ставится теперь совершенно иначе. Но уже в относительном историзме отца коммунизма и стремительной непреклонности отца анархизма заложены дальнейшие разногласия.

Самое представление о революции и ее роли, о роли насилия в истории резко различают анархистов и сторонников научного социализма.

Тут существуют две крайности. Одна из них, величающая себя теорией строго-эволюционной, иногда осмеливается прикрываться именем Маркса, или, по крайней мере, выдавать свои взгляды за исправленный и очищенный марксизм. Эта доктрина любит помпезно повторять, что природа не делает скачков, что новый строй вещей не наступит раньше, чем старый не отжил совершенно («не сказал ли Маркс» и т. д.), что безумные попытки форсировать события приводят лишь к преступно-легкомысленному пролитию крови и т. д. <...>

Таким образом, приведенные нами выше слова Саввы о горе как нельзя лучше оттеняют эту историко-философскую разницу обоих мировоззрений. Общество для марксиста есть как бы растущее дерево; желанное грядущее питается его соками, закономерно из него развивается, критическая мысль и воля, революционная энергия масс — все это входит необходимыми элементами в эту самовозрастающую гору, составляет живую часть ее — живой. Анархист же, — будь он тип разрушителя неумолимо-насильственного, или из тех, которые по незлобивости своей не могут есть ничего, кроме грибов, — всегда рассматривает историю человечества, как одну простую, или, вернее, сложную *ошибку*.

Причину всех зол Савва видит в «неизбывной человеческой глупости».

«Есть кое-что похуже неизбежных человеческих страданий, — говорит он, — неизбежная человеческая глупость... Первое время, когда я читал их газеты, я смеялся и думал, что это нарочно, что это издается в каком-нибудь сумасшедшем доме для сумасшедших. Но нет, это серьезно! И тогда моей мысли стало больно, невыносимо больно».

Кто дал право Савве судить таким образом весь род человеческий? Об этом он не спрашивает, он уверен в непогрешимой авторитетности своей критической мысли, в своем праве «учить огнем» глупых баранов. Критическая мысль марксиста сама

общественна, он ее рассматривает как отражение в его голове назревших в обществе изменений; критическая мысль анархиста довлеет себе и поэтому естественными являются те проблески мироразрушающего нигилизма, которые мы замечаем у Саввы. Разум вправе судить *fiat ratio, pereat gens humana*². И это тем более естественно, что кто-то поручился анархисту, что после разрушения нынешней цивилизации наступит лучшая.

Бакунин крепко верил в прирожденную анархичность народа, но и он договаривался до пугающей мысли о целом ряде новых и новых разрушающих революций, пока не установится, наконец, желаемый порядок. А если люди так и не сумеют жить согласно разуму благородных мечтателей?

Тогда долой их! «Когда дело идет о существовании человека, — говорит Савва, — тут уже не приходится жалеть об отдельных экземплярах. Только бы сам выдержал... Ну, а не выдержит, туда, значит, ему и дорога, — не в свои, значит, сани сел. Мирровая ошибочка произошла.»

На вопрос Кондратия, что будет, если человек все же повернет на старое? — Савва отвечает:

«Тогда совсем надо его уничтожить. Пусть на земле совсем не будет человека. Раз ему жизнь не удалась, пусть уйдет и даст место другим — и это будет благородно, и тогда можно будет и пожалеть его, великого осквернителя и страдальца земли!..»

Сущность метафизической глупости человеческой Савва видит в поклонении людей вещам.

«Остерегайся вещей! Ты не смотри, что они молчат — они хитрые и злые. И их нужно уничтожить».

Тут Савва прав. Действительно, власть капитала-товара, власть вещи над личностью — есть проклятие капитализма, если рассматривать его с «моральной» точки зрения. Но Савве, как и анархистам, не приходит в голову рассмотреть процесс эволюции «вещи». В анализе этой эволюции Маркс нашел уверенность в победе человека над вещью. Савва же не надеется обуздать вещи и хочет разрушить их все — вплоть до произведений Пушкиных и Тицианов. Конечно, редкий анархист дойдет до таких геркулесовых столбов, но мысль о всеобщем разрушении гнилой и ошибочной культуры составляет душу, внутреннюю тенденцию революционного анархизма. Естественно, что живые анархисты входят в компромиссы и готовы принять ту или иную часть этой культуры.

Анархисты-теоретики, сохраняя все недостатки абстрактного утопического рационализма, зачастую обладают каким-то почти телячьим добродушием. Между тем довести анархическую мысль до конца, до мрачного величия, до черного блеска какого-то ангела суда над нынешним порядком может только изболевший человек, не головой, а всем своим кровью истекающим сердцем осудивший.

Какой-нибудь вековечный безработный, потерявший детей и жену от голодного тифа; мелкий ремесленник, выкинутый на мостовую; бродяга, затравленный как волк; интеллигент, которому за кусок хлеба наплевали в самую душу, — вот кто может быть анархистом не на словах, а на деле; вот кто может идти с Саввой.

Потому-то сила, непреклонность, уверенность и неподкупность саввиной мысли объясняется тем, что поддерживает ее далеко не только радужный ангел грезы о будущем, не только милосердный ангел сострадания к братьям-безумцам, но и несравненно более крепкая рука, рука демона мести.

САВВА. «Я — мститель. За моей спиной все удушенное вами. Ага! Блудили себе потихоньку и думали: никто не узнает, ничего, обойдется понемногу. Лгали, бесстыдствовали, кривлялись перед своими алтариками и бессильным богом и думали: ничего, бояться некого, мы здесь одни. А вот пришел человек и говорит: отчет! Что сделали, ну-ка? Отчета давайте, ну? Да без мошенничества, я вас знаю! За каждого потребу! Ни одной кровинки не прощу! Ни одной слезы вам не оставлю!

Нет, сестра, жизнь коротка и тратить ее на диспуты с баранами я не намерен. Огнем их надо! Огнем! Пусть надолго запомнят день, когда пришел на землю Савва Тропинин!»

Жажда мести, личного удовлетворения, хотя бы ценою собственной гибели в бою с врагами, сознание краткости личной жизни! Придите к человеку с изболевшей от невыносимого, бешеного гнева душой, к человеку, изнемогающему от ненависти, учите его медленным путям научной тактики, провидящей цель в десятилетиях, а то и веках — он пошлет вас к черту и схватится за то оружие, которое можно пустить в ход сейчас.

Чудотворная икона как бы символизирует собою власть вещей над людьми. Вещь, сделанная рукой человеческой, является предметом умиленного преклонения тысяч простых умов и сердец. И Савва начинает с этого резко-заметного факта общего идоло-

поклонства: пусть знают, что динамит сильнее иконы, а человек сильнее динамита.

Савве нет дела до того, как произошла и на чем зиждется эта форма человеческой «глупости». Для него это «глупость» — и только.

Надо научить, но самый лучший и быстрый учитель — огонь.

Между тем, как сказал Ламенне, убеждения похожи на гвоздь: чем крепче и чаще их бьют, тем глубже вколачивают. Можно было с уверенностью сказать, что икона победит Савву. Андреев великолепно отметил, что чудо *должно* было совершиться, что ему *должны* были поверить. Прожженный и проплеванный Кондратий, сам видевший, как совершилось «чудо», верит в него, потому что старое благоговение всплывает на поверхность его мелкой души. Ирод, бичующий насмешками монахов, первый бьет Савву и в его лице Савву бьет само страдание мужицкое. На примере, выбранном Андреевым, действительно легко показать бесплодность порывистой, разрушающей, огнем поучающей тактики, единственно соответствующей, однако, точке зрения критическая разума, как просветителя мира, если, конечно, эта точка зрения проводится со строгостью, а не в виде «лекции во фраке».

Пока существует частное хозяйство и его зависимость от непонятных стихий рынка, которого невозможно урегулировать, до тех пор человек будет склонен видеть за фактами грозные силы; до тех пор он будет дрожать, будет склонен преклонить колена, будет метафизиком. <...>

Когда хозяйство растет, умеет защищаться от природы, когда растет человек, — умяляются боги. В мастерской ремесленника случай бессилен, у мануфактуриста работают его станки, его аппараты по заранее установленному плану, на основании обретенных законов механики, физики и химии. Идеи закономерности природы, возможности царить над ней познанием упрочивается. Но остается еще неисповедимое, потому что если отдельное хозяйство человечески-организовано, то их совокупность по-прежнему дезорганизована; на мировом рынке хозяин уже не хозяин, а раб случая. Потому наклонность к поблудневшему богу остается в городском мире, в зажиточной деревне. Пролетариат несет с собою организацию всего, хозяйства в совокупности. И он найдет хозяина земли — не в отдельном человеке найдет он его, — а в сотрудничающем человечестве. Бог станет не нужен, странен. <...>

Мы знаем, что лишь исторический процесс приводит от сумрачного суеверия к человечески-светлому мирозерцанию. Но наше дело не помогать этому процессу на всех стадиях, а организовать его на высшей его стадии, благо, — она может быть уже достигнута миллионами пролетариев. Социал-демократия полным голосом формулирует свою иррелигиозную истину для созревших и ждет остальных, которых гонит к ней история. Она не изобретает полуистин для полузрелых, — она критикует и разбивает их. Те, чьи уши приспособлены только для полуистин, воспринимут их вопреки нашей критике, но мы поможем им скорее миновать этот этап. Так соц.-дем. полным голосом формулирует социализм для пролетариата и ждет, когда экономический процесс пригонит к ней новые полчища пролетаризированных крестьян, или крестьян, воочию убедившихся в неизбежности гибели мелкого хозяйства. Она не создает для крестьян полусоциализма.

Стремиться же сразу, насильственно вогнать в человека всю истину, когда царит еще другая истина, т. е. другое прочное приспособление к определенной, еще неизменившейся среде, — значит идти на верное поражение, как шли герои 70-х годов.

Теперь оставим Савву в стороне и вернемся на минуту к давшему столь богатый плод на почве анархизма второму положению Сильвэна Марешаля, к вопросу об устранении государства.

Тут придется разбить вопрос на три части: 1) об отношении к современному государству и политической борьбе; 2) о государстве, как орудии пролетариата и 3) о государстве в будущем.

Трудно представить себе более несоциалистическую и особенно немарксистскую крайность, как переоценка парламентаризма, этого установления, предназначенного для регулирования отношений буржуазного общества и само собою негодного для окончательного сокрушения того же общества. <...>

Буржуазный парламентаризм страдает многими гнусными недостатками и не может явиться единственным или хотя бы главным орудием в революционном пересоздании общества, но следует ли из этого, что он бесполезен для пролетариата, что пролетариат может игнорировать его? В доказательство противного говорится так много, что повторять аргументацию нам не приходится. <...>

Революционный синдикализм, возникший из роста чисто экономического рабочего движения, в сильной степени зара-

жен анархизмом, но присоединение некоторых идейно свежих и сильных марксистских элементов, отброшенных в некоторую крайность резкой реакцией против парламентского кретинизма и министрализма, служит к сближению в этом пункте научно-социалистической тактики и тактики полу-анархических синдикатов и разрушает одно важное препятствие к объединению. Оно не может состояться, пока анархическая слепая ненависть к парламентской борьбе не исчезнет без следа, пока в этом пункте рабочие, как элемент, по самому существу предрасположенный к научному социализму, не перейдут на сторону крайней левой социалистических партий. <...> Что касается непримиримых анархистов, то ненависть их к Парламенту и «политикам» доводит их иногда прямо до смешного.

Недавно на русском языке появилась книга Севастьяна Фора, одного из наиболее блестящих представителей французского анархизма «Мировая скорбь». Книга риторическая, водянистая, но содержащая в себе всю анархистскую премудрость. Его прием сокрушать парламентаризм в самом принципе достоин внимания. Сперва он бьет в «самый центр», доказывая, что демократический принцип вообще ложен. <...>

«Этот закон большинства — это закон животной, тупой, слепой, неуловимой, несвязной, безрассудной и изменчивой силы».

Ни дать, ни взять — аргументы, которые Витте приводил против всеобщего избирательного права. Ни малейшей искры понимания классовой борьбы, угнетения привилегированным меньшинством эксплуатируемого большинства, вместо того наивное деление людей на умное меньшинство и *тупое большинство*. Вот где буржуазные рожки становятся заметны на голове анархиста. И что же хочет предпринять Фор с этим тупым большинством? Не лучше ли всего отдать его в опеку мудрому и прогрессивному меньшинству?

Но знаменитый Севастьян Фор любит изобильную аргументацию. Помните служанку, разбившую кувшин и оправдывавшуюся так: «Во-первых, у меня и кувшина-то никакого не было, а во-вторых, кувшин целехонек». Доказав, что демократия есть глупость и зло, он на еще большем количестве страниц бросает парламентаризму упрек, что он не есть господство большинства, что он на деле недостаточно демократичен. <...>

Что касается вопроса о государстве в будущем, то здесь мы имеем перед собою отчасти недоразумение, отчасти действи-

тельное и крайне характерное разногласие. Я буду иметь здесь в виду не столько анархистов, сколько полу-анархический революционный синдикализм. Тут анархисты были увлечены самими рабочими классами на путь широкой организации, пролетарской дисциплины. Тут мы действительно имеем перед собой крупное явление.

Предполагать, что социал-демократы включают в свой идеал будущего строя государство — это недоразумение. Странно, как даже прошедший марксистскую школу Лабриола³ не мог вникнуть в простую мысль Энгельса: «Государство есть организация классового господства; там, где нет классов, немислимо государство».

Лабриола совершенно не понимает социально-экономического характера государства, для него оно — власть, администрация — и только. Коллективизм предполагает национальную, а потом и всечеловеческую организацию производства и обмена, а следовательно, центральную администрацию. Функции этой администрации чрезвычайно определены и точны: статистика, общее распределение сил и благ. Все остальное может быть предоставлено коммуна, кооперациям, союзам и т. д. Но и это бросает в пот не только анархиста, но и подпавшего влиянию анархистов «экс-марксиста» Артура Лабриола. Он каркает о возможности для такой администрации превратиться в угнетающую государственную власть. Каким образом может это случиться? Как эти выборные, эти ответственные, сменяемые чиновники народа могут возвыситься над ним? На какой класс обопрется он там, где нет классов? Откуда этот страх перед химерой? Или пуганая ворона и куста боится? Но ведь то ворона! А между тем страх перед государством ведет Лабриолу далеко. <...>

И так велик этот страх перед централизацией, что даже организацию революции господа революционные синдикалисты (а тем более чистые анархисты) отрицают. Они боятся выдвинуть против централизованной реакции централизованную революцию, и вот логически доходят они до отрицания единовременной социальной революции. Ведь всеобщая забастовка предполагает центральное правление, пролетарскую дисциплину. И палadini этого «универсального средства» вдруг робеют, едва ли не самый смелый из них — Лабриола — начинает говорить о постепенном выкупе промышленных предприятий наиболее развитыми синдикатами на началах аренды. Кооперативизм худшей формы воскресает.

Прежний революционер, чествивший всеми ругательствами реформистов, неожиданно начинает смахивать на постепеновцев и гармонистов. <...>

Социализм спасает и возвеличивает истинную индивидуальность, но он резко враждебен тому индивидуализму, раскалывающему людей, тому себялюбивому, за себя трепещущему, обидчивому индивидуализму, великим пророком которого был Штирнер, и который есть прямое отражение мелкобуржуазного существования. Послушайте выкрики Эмиля Готье, написавшего предисловие к книге Фора (стр. XI): «Победа свободы: это, логически, идеал той постоянной и бесконечной эволюции, это абсолютная свобода, последним словом которой остается “делай, что хочешь” старого анархиста Рабле» (ст. XII). «Предоставьте мне свободу! Вот альфа и омега нынешнего евангелия! Довольно цепей — хотя бы и золотых! Предоставьте мне свободу!»

Кто это кричит? Это кричит мещанин. Всё равно — прудоновский ли мелкий производитель, стонущий под гнетом конкуренции капитала и готовый на *солидарность* в смысле организации общего кредита и обмена для того, чтобы остаться *независимым* хозяйчиком, или капризный интеллигент, так же бесконечно жаждущий *независимости*, а, получив ее, готовый дойти в философии до солипсизма, в искусстве до эготизма.

Независимость — вот ключ к пониманию анархизма. Но независимость есть и идеал каждого буржуа. Анархизм — есть теория буржуа-неудачника. Анархизм есть просвещенный буржуазный индивидуализм. Этот индивидуализм — порождение разрозненности интересов и конкуренции — хочет дойти до своего логического конца, и все кооперативистские или даже полукommунистические уступки делаются мещанами анархического типа только потому, что иначе, как они должны признать это, нельзя добиться *независимости для всех*.

Общественность — вот ключ к пониманию социализма. Пролетарий привык трудиться так, что уже не может различить продукта своей и чужой работы. Общий, слиянный труд. И такая же общая, слиянная борьба, ибо отдельный пролетарий — ничто, вместе с другими пролетариями — великий Мессия, воистину спаситель и обновитель мира. Так растет новый *социальный* человек. Так растет новая коллективная душа. А она-то и есть фундамент, сила, способная строить культуру в тысячелетиях, как *нашу* культуру. Социальность дает место самоотверженности

во имя вида и идеализму в широчайшем масштабе. Сознательное преследование этой цели — совершенство вида, повышение его жизненности, — это культурное содержание будущего, которое теперь провидят лишь немногие. То, что совершается теперь во вред индивиду, ценою его страданий и гибели, даруя ему попутно растущее счастье.

Вид на место индивида. Коллективизм на место производственного анархизма. Общественная гармония на место независимости. Вместо выкрика больного раба наших дней: «Предоставьте мне свободу!» иной девиз: «Дайте мне достойную задачу!» — девиз самоорганизующегося человечества, с которым каждый ищет ее и находит в гармонии с общиной.

И, исходя из этой коренной разницы, легко понять, почему анархист всегда и всюду склонен бороться против широкой организации, против дисциплины. Но этим выбивают из рук пролетариата его главное оружие. Да, тут уже начинается неизбежно резкая борьба. Это не платоническое столкновение двух идеалов. Это стремление рабочего класса оградить отсталых своих членов от теорий, разлагающих его классовую силу.

В конечном счете к этим двум противоположностям сводятся различия научного социализма и анархизма. Революционный рационализм — у анархистов, активность, опирающаяся на познание реальных процессов, — у социалистов. Индивидуалистическая жажда независимости — у анархистов. Сверхиндивидуалистическая жажда солидарности и организации сил — у социалистов.

Все остальные различия — производные.

